

речи, где дается анализ синонимическим существительным, прилагательным, местоимениям, глаголам, наречиям, служебным словам. Рассматривая этимологию синонимичных форм частей речи, автор делает экскурс в историю языка, приводит данные из родственных финно-угорских языков — мордовского, финского — и доказывает синонимичность разбираемых форм слов.

Т. Н. Габова утверждает, что коми числительные не имеют синонимичных форм, с чем невозможно согласиться. Счетные слова коми языка также образуют синонимичные ряды: первый — *medvožža*, *pervoj*, *et'ikeđ* (напр., *das et'ikeđ* 'одинадцатый'), второй — *međ*, *kikeđ* (напр., *das kikeđ* 'двенадцатый'), 20 — *kiž*, *kik das*, 30 — *komin*, *kujim das*, 1000 — *šurs*, *tišača* и т. д. В художественной литературе и бытовой речи активно используются синонимические формы числительных. Ср., например, стихотворение Г. Юшкова «Коді öни тыртö витöд дас».

Выводы по второй главе снабжены таблицами синонимов частей речи, где дана подробная семантическая градация синонимических рядов с указанием количества членов ряда, с примерами на абсолютные, идеографические и контекстуальные синонимы.

Заключение содержит подробные выводы по всем разделам исследования.

В приложении дан краткий словарь синонимов, рассматриваемых в работе.

К числу недостатков, замеченных в исследовании, нужно отнести грамматические ошибки (напр., с. 67: *gartni-berged* вместо *gartni-bergedlini* 'крутить-мять что-то в руках'). Не все переводы на русский язык удачны, например, *čevtlis šin* 'положила глаз' вместо 'бросила взгляд' (с. 92), *žel oz berged* 'шепку не перевернет' вместо 'лучины не повернет' (с. 30), *činašg* 'курит' вместо 'дымит' (с. 67). Иногда неточности встречаются при этимологическом анализе, например, в *lučki-ladne* 'благополучно' отнесена к русизму лишь вторая часть выражения, хотя первая часть тоже восходит к русскому языку: *людски*. В некоторых случаях Т. Н. Габова неудачно отбирает лингвистический материал, приводя в качестве примера текст из такого произведения, автор которого небрежно обращается с выразительными средствами коми языка и излишне вводит русизмы. Например, в предложении на с. 67 русизмы *bezimjannej*, *radostnej* легко можно заменить коми эквивалентами.

Отмеченные недостатки носят частный характер и ни в коей мере не снижают значения исследования, вносящего важный вклад в развитие коми языкознания.

Е. А. ИГУШЕВ (Сыктывкар)

<https://doi.org/10.3176/lu.1986.2.14>

Э. Г. Беккер, Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Томск 1984.

29 октября 1985 года в Институте языкознания Академии наук СССР на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита докторской диссертации доцентом Томского государственного педагогического института Э. Г. Беккер по теме «Грамматические категории имени существительного в южных диалектах селькупского языка». Официальными оппонентами выступили док-

тора филологических наук профессора П. Алвре (Тарту), К. Е. Майтинская (Москва), Д. В. Цыганкин (Саранск). О грамматике и фрагментах лексики селькупского языка опубликованы компетентные статьи и защищены кандидатские диссертации, но имя существительное тымского диалекта, обских говоров и кетского диалекта до сих пор систематически не изучалось. Это обстоятельство подчеркивает актуальность тематики работы

Э. Г. Беккер. Разносторонний анализ свежего и обширного языкового материала свидетельствует о новизне исследования.

По мнению рецензента, Э. Г. Беккер поступила правильно, ограничив тему южными говорами; в то же время удачно подобрала сравнения, она сумела создать достаточно целостное представление о грамматических категориях существительного в селькупском языке в целом. При наличии общих черт привлекаются факты и других самодийских, а также финно-угорских языков, что придает анализу весомость и в то же время свидетельствует о большой начитанности и эрудиции автора.

Композиция работы Э. Г. Беккер (с приложениями — 466 машинописных страниц) отличается продуманностью. Основные части ее — введение, пять глав и заключение.

В обширном введении (с. 23—71) рассматривается ряд общих вопросов: территориальное размещение селькупов и их миграции, диалектное членение селькупского языка, категория падежа, влияние структуры русского языка на селькупский. Для исследования грамматических категорий существительного синхронный дескриптивно-аналитический метод оказывается недостаточным, и автор привлекает, по мере необходимости, сопоставительно-типологический и сравнительно-исторический методы.

Почти обо всех проблемах, рассматриваемых в работе, в свое время высказывались различные мнения. Отношение к ним Э. Г. Беккер критично, что заслуживает одобрения. Это проявляется уже при определении числа падежей. Семь падежей у М. А. Кастрена неверно отражают сущность парадигмы склонения в селькупском языке. В то же время число до 20 падежей у А. И. Кузьминой представляется преувеличением. Критике подвергаются и А. П. Дульзон, Е. А. Хелимский и др., в чьих работах автор обнаруживает непоследовательность, противоречия или даже ошибки. По Э. Г. Беккер, в селькупском языке насчитывается 15 продуктивных и три непродуктивных падежа. Такое деление, по мнению рецензента, в общих чертах обосновано. При этом не вызывает возражений наличие двух одноименных падежей, и даже в двух случаях, так как падежные окончания всегда различаются: дательно-направительный I (-*ti -nti*), да-

тельно-направительный II (-*ni, -nik*) и исходный I (-*nanni, -nanto*), исходный II (-*qinni, -qinto*). Однако не оправдан полный отказ от традиционных международных названий падежей (вместо номинатива — основной падеж и т. п.). Не улучшает дела и то, что заголовки дополнены немецкими (Genitiv, Accusativ) или латинскими (Causus generalis) наименованиями.

В первой главе «Структурно-морфологический аспект имени существительного и модели морфемных рядов в рамках падежей безличного и лично-притяжательного склонения» (с. 72—129) прежде всего приводятся примеры на разные семантические группы существительного. При описании фонетической структуры непроемных существительных (с. 75) уместен более детальный анализ: дифференцированный показ долготы гласного (в работе краткий и долгий гласный одинаково обозначаются знаком Г). Что касается слов, оканчивающихся на любой гласный, то читателю хотелось бы узнать, как селькупский язык использует разную долготу гласного для различения семантики слов. Хотя наблюдения Э. Г. Беккер о разных основах существительного, с учетом которых строится система склонения (основы, оканчивающиеся на гласный, на согласный), верны, и подобная классификация принята еще со времен М. А. Кастрена, рецензенту представляется, что пора более последовательно уделять внимание и чередованию ступеней основы слова (напр., номинатив *ükku* 'шапка', в аккузативе же — при закрытом слоге — *ügu-m*). Это дало бы новый дополнительный критерий для исследования как первичных и вторичных падежных окончаний, так и форм с притяжательными суффиксами. В прибалтийско-финских языках существует в основе слова такое же чередование ступеней, без учета которого невозможно представить себе исследование морфологии этих языков.

Глава содержит ряд хороших обзорных таблиц — как об использовании форм двойственного и множественного числа, так и о притяжательных суффиксах. Копригируется и ошибочное мнение П. Хайду о показателе множественного числа *-la* в тымском диалекте (с. 102). Однако рецензент согласен не со всеми утверждениями автора. Допущена ошибка в реконструкции с гласным заднего ряда **kakte* 'два'

(с. 93); должна быть форма с передне-рядными гласными *käktä, только это может объяснить, почему в начале слова *sitti* 'два' — сибилант, как и в начале других слов с гласными переднего ряда во всех современных самодийских языках (ср. также сельк. *šē*, *sie* 'язык' < *kēle). Сомнительно также, имеет ли смысл, по примеру исследователей индоевропейских языков, применять термин «суффиксоид» (или «полусуффикс»). В исследованиях по уральстике излишни частые ссылки и пространное цитирование работ авторов, объектом исследования которых являются языки других семей (немецкий, русский, чувашский и т. д.). Не вполне свободна от этого и работа Э. Г. Беккер.

Вторая, третья и четвертая главы (с. 130—355) посвящены категории падежа в селькупском языке. Во второй главе рассматриваются субъектно-объектные падежи (основной, родительный, винительный), в третьей — пространственно-временной ориентации (дательно-направительный I и II, местно-временной, исходный I и II, продольный, исходно-продольный), в четвертой — косвенно-объектные (орудийный, совместный, орудно-совместный, лишительный, назначительно-превратительный, превратительный). Непродуктивными, дефектными, имеющими узкую сферу употребления являются орудийный, совместный, превратительный. Аналитические конструкции обоснованно выделены в особую главу (с. 356—386).

Автор дает последовательный и обстоятельный анализ морфологии и синтаксических функций всех падежей, учитывая как абсолютное, так и притяжательное склонение (в работе соответственно безличное и лично-притяжательное). Краткие выводы в конце глав облегчают выделение наиболее существенных моментов развития селькупской категории падежа.

Необходимо подчеркнуть основательность и системность анализа всего материала. И в этой части автор сохраняет критичность; вносится, например, поправка в излишне прямолинейное решение М. Л. Палмайтиса относительно маркированного и немаркированного объекта (с. 181). При различии во взглядах исследователей автор высказывает и свое мнение. Лишь в отдельных частных случаях (например, о происхождении *m*-аккузатива) остается неясным, какой точки зрения она

придерживается. Э. Г. Беккер не боится вносить поправки и в некоторые свои более ранние взгляды, оказавшиеся ошибочными, например, относительно падежного окончания *-nde* (с. 325). Заслуживает одобрения, что в таблицах последовательно приводятся все алломорфы падежных окончаний. В падежных флексиях селькупского языка часто наблюдаются нерегулярное развитие, отпадение элементов, контаминации, дублирование, постпозиционные элементы и пр., что затрудняет выявление их взаимосвязей и хода развития во всех деталях. В то же время выводы, сделанные в результате анализа, достаточно аргументированны, что обеспечивает их достоверность. Сказанное относится ко всей работе. Автор умело привлекает также результаты исследований по фонетике, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к ее теме. Речь идет о переходе конечного в слове носового во взрывной (*-n > -t*, *-m > -p*, *-ŋ > -k*), это явление исследовал Ю. А. Морев. Хотя и ранее было замечено чередование *-n* и *-t* в генитиве и двойное оформление *-m* и *-p* в аккумулятиве, удовлетворительного объяснения эти факты не получили. Надо добавить, что указанное явление встречается не только в суффиксах, оно наблюдается шире. В качестве примера можно привести сельк. *per* 'имя', наряду с *pet*.

Анализ синтаксических функций падежей выявил и такие моменты, которые могут быть в дальнейшем использованы при исследовании финно-угорских языков. Так, бросается в глаза большое сходство номинативного объекта во втором лице повелительного наклонения (с. 147), а также сходство номинативного обстоятельства времени на вопрос «когда?» (с. 146). Особенно много интересных совпадений с прибалтийско-финскими языками наблюдается в глагольном управлении. Так, в отличие от индоевропейских языков аккумулятивом управляют, например, такие глаголы, как 'помогать', 'приказать', 'следить', 'доверять' и др. Очевидно, здесь мы имеем дело с особенностью, восходящей к уральскому праязыку.

При определении количества падежей Э. Г. Беккер справедливо подчеркивает решающую роль морфологической стороны. Но не отступает ли она сама от этого принципа, когда она отграничивает продольный падеж (*-min ~ -mit*) от исходно-

продольного, опираясь лишь на различия в некоторых синтаксических функциях, ведь у этого падежа, «тот же показатель *-min~mit*, свойственный продольному падежу» (с. 300)? О том, что здесь не все в порядке, говорит и искусственное деление равноправных примеров между двумя падежами: продольный — *čāčēle βatto-βen* 'идя по дороге' (с. 299) и исходно-продольный — *qail βatto-ute* 'по какой дороге?' (с. 300). Что касается древнего окончания латива **-ń*, то можно было бы опереться на нганасанскую форму *tagaŋ* 'за; у-', относительно которой, как известно, нет сомнений в лативном происхождении **-ń* (или **-n*). Варьирование *-n* и *-t* генитива, приводимое в работе, не единственная возможность: в записях К. Доннера, впрочем, имеется и пример *korγās sai* 'медвежий глаз'. Интересно, как этот случай объяснила бы Э. Г. Беккер, *-n > -s* или *-t > -s*?

Формантное противопоставление по степени одушевленности/соотнесенности

и неодушевленности падежей пространственно-временной ориентации (с. 239), с точки зрения его непоследовательности, а также позднего происхождения, могло бы быть достоверно объяснено, если добавить, что во времена М. А. Кастрена такое противопоставление было еще весьма неустойчивым, на что, впрочем, обращал внимание А. Й. Йоки (FUF XXXIX, с. 14).

Выше указывалось, что, по мнению рецензента, при анализе падежных форм необходимо учитывать чередование ступеней в основе слова; в то же время многочисленные падежи с элементом *-n* разграничивались также с учетом различий в ударении и даже на основе разной долготы гласного. Желательно было бы учесть эти факты и при анализе селькупского языкового материала.

В целом работа Э. Г. Беккер содержит много и такого, что может быть использовано для сравнения и с финно-угорскими языками, не говоря о других самодийских.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)